

Man and Education 2013-2024

ISSN 2079-8784

URL - <http://ras.jes.su>

All right reserved

Issue 1 (70) Volume . 2022

Humanization of the process of raising minors in the Russian Empire shelters: historical and cultural analysis

Victoria Tereshchenkova

Smolensk State University

Russian Federation, Smolensk

Abstract

The article discusses the problem of reforming criminal legislation in relation to juvenile offenders in the Russian Empire in the late XIX-early XX centuries. At that time, among the "judges of justice", who were based on ideas of humanity, values of a child's personality, protection of his or her rights, the idea of changing the existing criminal legislation in relation to the child offender arose. One of the key issues in the article is consideration of the justification of the terms of staying children in correctional institutions. In order to ensure the rehabilitation of juvenile offenders in colonies-shelters, the authorities of the country attempted to amend some legislative acts. This had a great impact on the organization of juvenile justice, reflected in the practical activities of educational and correctional institutions of the Russian Empire in the late XIX-early XX centuries. The innovations in the criminal legislation became a big step towards the humanization of the process of raising delinquent children in pre-revolutionary asylum colonies. That was the first time that a child was considered not as an object, but as a subject of the pedagogical process, an individual with rights. The activities of educational and correctional institutions ceased to be punitive and were directed towards human treatment of children.

Keywords list (en): juvenile delinquents, educational and correctional institutions of the Russian Empire, pedagogical activities of shelters for minors, humanization of the education process

Publication date: 02.06.2022

Acknowledgment:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-313-90023.

Citation link:

Tereshchenkova V. Humanization of the process of raising minors in the Russian Empire shelters: historical and cultural analysis // *Man and Education* – 2022. – Issue 1 (70) С. 120-128 [Electronic

1 **Введение.** В Российской империи со второй половины XIX века начался интенсивный процесс реформирования общества. В.А. Никонов, ученый-историк, политолог, указывает на то, что в этот период перед страной «объективно стояла задача форсированной экономической, политической и социокультурной модернизации. Страна догоняющего развития, Россия, по существу только в 1860-е годы (при Александре II), с многовековым опозданием... начала переход от патриархально-феодальной системы к начальным формам капиталистической организации...» [1, с. 28]. Безусловно, этот переход не был плавным. Поэтому все слои общества ощутили на себе влияние глобальных перемен. Особенно в этой ситуации страдало крестьянское население империи: оно «беднело в абсолютном выражении и вымирало в массовом порядке...» [там же, с. 34]. Данная ситуация не могла остаться незаметной и для детского населения. Особенно подверженными дурному влиянию социума, а как следствие, совершению правонарушений оказались несовершеннолетние. Проблема отягощалась тем, что в Российской империи до второй половины XIX века не возникал вопрос о необходимости реорганизации системы уголовного правосудия в отношении детей-правонарушителей. Совершив преступление, они наказывались как взрослые и отбывали наказание в тюрьмах: «... здесь дети прямо попадали в общество сознательных преступников, и тюрьма, таким образом, делалась для них школою разврата и преступлений и вела их к окончательной порче и гибели... Дети почти ничему не выучивались и выходили из тюрем еще более испорченными и с расстроеным здоровьем» [2, с. 7-8]. Таким образом, тюрьма являлась для несовершеннолетних не местом исправления, а местом, где они подвергались еще большему нравственному разложению. Совершенно очевидно, что до второй половины XIX века уголовное законодательство в отношении детей строилось на принципе «оплата за зло преступления злом наказания»; «наказание имело целью внушить страх другим, которые иначе, может быть, решились бы на преступление» [там же, с. 6]. Однако вторая половина XIX века стала переломным моментом. Увеличение рецидивов на фоне государственной нестабильности постепенно меняло взгляды власти и общества на проблему детской преступности. Возникла необходимость существенной реорганизации системы уголовного правосудия.

2 **Методами исследования** выступили: общетеоретические, позволившие проанализировать, синтезировать, актуализировать и систематизировать научные материалы; историко-педагогический, на основании которого нами выявлены особенности организации воспитательного процесса в детских колониях-приютах Российской империи в конце XIX – начале XX века.

3 **Результаты исследования.** К середине XIX века в общественном сознании под влиянием научных воззрений изменилось отношение к преступнику. Главной целью по отношению к нему теперь стало исправление, а не возмездие. В первую очередь это относилось к несовершеннолетним. Таким образом, с одной стороны, рост числа «неустроенных» детей: бродяг, нищих, бесприютных и беспризорных, преступных, а с другой, общественное стремление к их воспитанию и исправлению укрепили идеи об учреждении специальных заведений.

4 До судебной реформы 1864 года в России специальных заведений для исправления и перевоспитания детей, совершивших преступления, не было. Не было и специальных законов, регламентировавших порядок исполнения наказания в отношении несовершеннолетних.

5 Как отмечал дореволюционный исследователь П. Всесвятский, «и если мы будем спокойны благодаря реформам, сопровождающим введение детского суда, за судьбу юных преступников, порученных охране благонадежного попечителя или исправительно-воспитательного заведений, то, во всяком случае, мы не сможем безучастно направлять юных нарушителей закона за тюремные стены, ибо мы знаем, что жизнь за этими стенами даст им то, что не желает дать ни суд, направляя его туда, ни общество. В этом мире чуткая, юная душа малолетнего со свойственной ей особенностью приспосабливаться ко всему окружающему и часто со стремлением к превосходству над сверстниками глубоко воспримет начатки тюремной морали и этики преступника и положит потом в основу своего миросозерцания» [3, с. 413].

6 Мысль о необходимости специальных заведений для несовершеннолетних правонарушителей была высказана в объяснительной записке Собственной Его Императорского Величества канцелярии к проекту Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судами. Впервые в истории отечественное законодательство предоставило суду право направлять по своему усмотрению несовершеннолетних, совершивших преступления, в исправительные приюты, если таковые в данной местности были.

7 Ключевым моментом в вопросе перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей стало издание 5 декабря 1866 года закона «Об учреждении приютов и колоний для нравственного исправления несовершеннолетних преступников» [4]. Заведения именовались в законе «богоугодными и общепользными». Из закона следовало, что помещение в исправительные заведения не являлось наказанием и относилось к мерам принудительного воспитания. Однозначно, для страны это стало большим шагом к исправлению детей, преступивших нормы права, ведь теперь они могли быть отправлены в колонии-приюты и получать там соответствующее воспитание, а не отбывать наказание в тюрьмах вместе со взрослыми преступниками, что являлось по своей сути не исправлением, а еще большим вхождением в преступный мир. В колониях-приютах процесс исправления шел постепенно. В отношении детей использовались гуманные, человеческие меры воспитательного воздействия. Педагоги и воспитатели оказывали на них нравственное воздействие, подкрепляя процесс физическим, трудовым и умственным воспитанием [5]. Безусловно, данный закон проповедовал принцип гуманизма, так как на практике двери создаваемых приютов оказались открытыми и для нищих, и для бродяг, и для «ничьих детей». Жизнь заставляла сочувствующих и милосердных людей идти на этот шаг, поскольку детей просто некуда было деть. Так в приютах по мере создания оказывались дети разных категорий, и заведения приобретали смешанный характер.

8 Однако, несмотря на видимые положительные изменения в деле организации воспитания несовершеннолетних правонарушителей в Российской империи конца XIX – начала XX века, возникли определенные вопросы с назначением наказания данной категории лиц, сроками их пребывания в исправительных учреждениях. Так, встал вопрос об изменении определенных статей ряда законодательных актов, чтобы напрямую прослеживались воспитательный и профилактический аспекты. Они заключались в том, что дети до определенного возраста не подвергались наказанию в полном понимании, а направлялись родителям или родственникам. Эта мера была актуальна, если последние являлись людьми благонадежными и могли добросовестно осуществлять воспитательные функции. В противном случае ребенок возвращался бы в среду, вновь приводившую его на преступный путь. Кроме того, смягчение наказаний несовершеннолетних (по сравнению со взрослыми преступниками) также свидетельствует о том, что отношение законодательных органов к ним было более гуманным; именно воспитание являлось главным критерием исправления. Безусловно, важной составляющей являлся патронат над данной категорией детей, когда педагогический персонал приютов даже после освобождения питомцев продолжал следить за их судьбой и в случае возникновения проблемных ситуаций оказывал несовершеннолетним всяческую поддержку. В Государственном архиве Российской Федерации были изучены документы, свидетельствующие о том, что в стране некоторое время оставался открытым вопрос относительно объективности выносимых в отношении детей-правонарушителей приговоров [6]. Кроме того, юристов того времени волновала проблема длительности пребывания питомцев в колониях-приютах. Изменению подверглись несколько законодательных актов. Отношением от 28 февраля 1889 года №3033 Министерство внутренних дел сообщило Министерству юстиции, что на основании постановления общего собрания членов Санкт-Петербургского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов комитет этого общества возбудил ходатайство об изменении статьи 6 Устава о наказаниях. Поэтому мировые судьи были обязаны определять срок пребывания несовершеннолетних в исправительных приютах в том смысле, чтобы названные должностные лица постановляли лишь об отдаче малолетних преступников в данные заведения до достижения ими 18-летнего возраста.

9 Поводом к возбуждению данного ходатайства послужил ряд причин. Так, в 1879 году из-за несоблюдения мировыми судебными установлениями изложенного в статье 6 Устава о наказаниях правила, гласившего о необходимости отправлять несовершеннолетних в исправительные приюты взамен заключения в тюрьме, Уголовный кассационный департамент

Правительствующего сената на основании указа от 10 декабря того же года разъяснил, что возможно широкое применение приведенного постановления должно составлять одну из важнейших нравственных обязанностей мировых судей. При этом сенат подчеркивал, что практика мировых судей, выносивших приговоры об отдаче малолетних в исправительные приюты на те же сроки, на которые виновных следовало бы заключать в тюрьму, являлась неправильной с точки зрения закона. Кроме того, данная практика не соответствовала педагогическому характеру самих приютов, которые являлись скорее учебно-воспитательными заведениями, чем местами заключения. Как отмечалось в архивном документе «Об изменении постановлений закона, касающихся помещения малолетних преступников в исправительные приюты»: «задача подобных приютов заключалась, по толкованию Правительствующего сената, не столько в наказании малолетнего, сколько в его перевоспитании ... посредством нравственного воздействия на впечатлительную природу малолетнего, путем приучения его к систематическому труду изгладить, по возможности, следы порчи, оставленные прежней неблагоприятной обстановкой, направить его волю к преследованию нравственных целей и тем сделать из него полезного члена общества» [6, с. 1]. Достижение столь важной и вместе с тем трудной задачи было возможно лишь тогда, когда малолетнего отдавали в приют на более или менее продолжительное время. С другой стороны, вовсе не могло быть и речи об исправительном влиянии приюта на малолетнего в том случае, если срок пребывания в исправительном заведении не превышал нескольких месяцев.

10 Опыт существующих в Российской империи приютов свидетельствовал о том, что кратковременное пребывание в исправительном заведении несовершеннолетнего оставалось в большинстве случаев бесследным и совершенно бесполезным. Приговоренный к содержанию на короткий срок не только не мог нравственно исправиться, но и не успевал даже выучиться чему-нибудь полезному настолько, чтобы, выйдя из приюта, быть в состоянии честным трудом обеспечивать свое существование. Также практика воспитательно-исправительных заведений указывала на то печальное явление, что большинство «краткосрочных» питомцев относились к содержанию в приюте как к наказанию весьма легкому, что, в свою очередь, заставляло их смотреть на преступление даже легче, чем они относились к нему до определения в приют. Т.е. говорить о раскаянии в данной ситуации не приходилось. Наоборот, в питомцах укреплялась установка, что можно и дальше совершать преступления, ведь за них не последует жесткого наказания. Исходя из этих соображений, убеждавших в полной нецелесообразности кратковременного содержания малолетних в исправительных приютах, Правительствующий Сенат разъяснил мировым судьям, что они обязаны определять срок содержания в заведениях малолетних правонарушителей настолько продолжительный, чтобы приюты имели возможность исполнить свою задачу их исправления. В данном случае делался акцент на то, что воспитанники должны оставаться в приютах до достижения ими 18-летнего возраста. Ведь, по утверждению педагогов того периода, несовершеннолетнего нельзя было отправлять в самостоятельную жизнь, если у него еще не сформировались и не закрепились установки на законное существование, а система ценностей могла меняться под влиянием проявлений негативного прошлого.

11 Однако несмотря на столь четкую установку Уголовного кассационного департамента, а также на неоднократные напоминания и просьбы Санкт-Петербургского комитета общества земледельческих колоний и ремесленных приютов, мировые судьи продолжали приговаривать несовершеннолетних преступников к отдаче в исправительные приюты на такие сроки, которые не были вполне достаточны для перевоспитания испорченных детей и обучения их ремеслу, которое могло бы дать впоследствии средства к честному труду и безбедному существованию. Со своей стороны Министерство внутренних дел, присоединяясь к заключению названного комитета, полагало, что одновременно с проектируемым изменением статьи 6 Устава о наказаниях надлежало подвергнуть пересмотру и правило статьи 162 Устава содержащихся под стражей (1890 г.) о сокращении срока пребывания в исправительных приютах тех несовершеннолетних, которые признавались исправившимися. Поэтому в Министерстве юстиции было принято решение дать этому делу дальнейшее в законодательном порядке направление.

12 Архивные документы свидетельствуют о том, что изменения статьи 6 Устава о наказаниях были ориентированы на обеспечение пребывания несовершеннолетнего в приюте в течение настолько длительного срока, чтобы питомец мог освоить определенную профессию и

выйти из приюта на свободу уже достаточно подготовленным для честной жизни собственным производительным трудом. Определялся этот срок исходя из индивидуальных особенностей несовершеннолетнего, степени его испорченности и неподатливости к труду во время поступления в приют, а также особенностей того ремесла или той отрасли труда, которой его хотели научить в приюте. Не нужно также забывать, что для достижения приютами их цели необходимо было отпускать питомцев на свободу, по возможности находить им занятия, соответствовавшие приобретенным несовершеннолетними в приюте знаниям и навыкам. Эта мера являлась одним из проявлений патроната над несовершеннолетними правонарушителями. Причем патронат являлся именно педагогическим, продолжал реализацию воспитательных целей. Как отмечает исследователь Л.И. Беляева, патронат заключался в том, чтобы несовершеннолетние после освобождения «с самого начала не были лишены способов жизни и могли находить средства пропитания честным трудом, ... чтобы они и после устройства к месту не оставались без всякого надзора в первое время своего самостоятельного существования» [7, с. 346].

13 Статс-секретарь Э.В. Фриш подчеркнул, что одновременно с изменением статьи 6 Устава о наказаниях было бы желательным расширить применение меры в виде направления в исправительные приюты несовершеннолетних с 10 до 14 лет в случае сознательного совершения ими преступных действий, указанных в первых трех пунктах ст. 138 Уложения о наказаниях. Э.В. Фриш принял во внимание, что по статье 137 Уложения к несовершеннолетним в возрасте с 14 до 17 лет, «учинившим преступление без полного разумления», по усмотрению суда могли быть применены или «отдача в исправительные приюты», или наказание, определенное в статье 138. Данная статья касалась детей, хоть и признанных «учинившими деяние с разумлением», но по возрасту своему не превышавших 14 лет. Именно к таким несовершеннолетним целесообразнее всего было применять исправительное воздействие приютов, где эти лица могли получить трудовое воспитание и научиться ремеслам. Установленная статьей 138 ссылка не достигшего 14 лет ребенка в Сибирь на поселение или продолжительное заключение в тюрьмы и монастыри пагубно отражалась на нравственной и физической природе несовершеннолетнего, дальнейшая жизнь которого могла быть навсегда загубленной. Поэтому Председатель Редакционной комиссии настоял о необходимости изменения статьи 138: наказания, представленные в ней, могли быть заменены направлением несовершеннолетних правонарушителей в исправительные приюты. Это, безусловно, позволяло достичь значительного улучшения при осуществлении уголовного правосудия в отношении несовершеннолетних, что свидетельствует о смягчении отношений к малолетнему правонарушителю. Гуманизация процесса образования была налицо. Исправительная цель наказания взамен идеи устрашения и возмездия в данном случае особо подчеркивалась.

14 Министр юстиции также указывал на то, что для успешного и правильного выполнения исправительно-воспитательными заведениями преследуемой цели исправления малолетних преступников необходимо администрациям приютов определить сроки пребывания в упомянутых заведениях. При этом, как полагал действительный советник Н.А. Манасеин, время пребывания питомца в исправительном приюте должно определяться не столько важностью содеянного малолетним преступного деяния, сколько индивидуальными особенностями питомца (что, на наш взгляд, особенно важно), влияющими на срок, необходимый для его исправления и перевоспитания. Так, при составлении Высочайше утвержденных 5 декабря 1866 года правил об исправительных приютах поднимался вопрос об определении в законе наименьшего и наибольшего срока содержания малолетних в приютах. Предположение это было отвергнуто ввиду того, что «при определении срока пребывания в заведении невозможно было бы главным образом руководствоваться мерой вины несовершеннолетнего», а следует «особенно принимать во внимание возраст виновного, степень его умственного развития и нравственной испорченности, а также степень

15 Действительный тайный советник Н.А. Манасеин признавал необходимым предоставить суду в отношении малолетних, действовавших с разумлением, право заменять наказания, указанные в статье 138 Уложения о наказаниях, отдачей в исправительные приюты, дополнив данную статью примечанием. В то же время, по мнению Министра юстиции, необходимо было расширить право суда относительно помещения в исправительные заведения малолетних преступников в возрасте до 14 лет, допустив применение этой меры взамен передачи их родителям, опекунам или родственникам для домашнего исправления. По правилам

мирового устава лица, совершившие в этом возрасте преступление, влекущее заключение в тюрьму, могли быть помещены в приюты (статья 6) или отправлены к родителям, опекунам или родственникам для домашнего исправления (статья 11). Нельзя не признать, что малолетний, совершивший преступление, за которое законом грозило заключением в тюрьму, нуждался в одинаковых мерах исправления, независимо от того, было ли предусмотрено это преступление Уложением или Уставом о наказаниях. Ввиду отсутствия в Уложении приведенного правила мировыми судьями дети с 10 до 14 лет отдавались в упомянутых выше случаях обязательно родителям, опекунам или родственникам на исправление, что при недостаточной благонадежности последних было весьма нежелательно, а при отказе взять ребенка или отсутствии у питомца родственников и совершенно неосуществимо. По этим основаниям действительный тайный советник Н.А. Манасеин полагал: «1) дополнить статью 137 Уложения о наказаниях особым примечанием о том, что малолетние в возрасте от 10 до 14 лет совершившие преступления, за которые законом определены наказания уголовные и исправительные (когда судом признано, что преступное деяние было совершено ими без разумления) могут быть определены в исправительные приюты (устав наказаний, налагаемых мировыми судьями, статья 6); 2) в проектируемом примечании к статье 138 уложения о наказаниях оговорить, что малолетние могли быть по усмотрению суда помещены в приюты и при учинении ими преступлений с разумлением (п. 4, статья 138), если законом определено наказание не ниже заключения в тюрьму» [6, с. 10].

16 Важной составляющей гуманизации процесса воспитания в колониях-приютах являлась эффективная система наказаний и поощрений, отличавшаяся большим разнообразием и зависевшая от усмотрения учредителей. Каждое заведение своим Уставом определяло перечень возможных наказаний, которые могли применять директор, педагогический совет, а в ряде случаев Правление или Комитет Общества-учредителя, что также предусматривалось соответствующими Уставами. Наиболее распространёнными среди наказаний были замечание или выговор, сделанные наедине или публично; запрещение играть; запрещение свидания или переписки с родными; лишение прогулок; назначение на хозяйственные работы вне очереди.

17 Стоит отметить, что государственно-правовые меры борьбы с преступностью несовершеннолетних в конце XIX – начале XX века изучаются и современными исследователями (Н.М. Гомозовым [8], А.Э. Дубоносовой [9], А.С. Думовым [10], Е.В. Мишиной [11]). Учёные, проанализировав материалы по данной проблематике, приходят к мнению, что для российского права, регулировавшего область детских правонарушений в империи, характерен переход от карательных мер к воспитательно-профилактическим. Безусловно, государство, основываясь на мнении ведущих юристов и общественных деятелей и организаций, стремилось распространить в обществе гуманное отношение к несовершеннолетним правонарушителям.

18 **Заключение.** Со второй половины XIX века в правовой мысли России стали развиваться идеи профилактики правонарушений несовершеннолетних и ответственности, заботы о подрастающем поколении со стороны государства и общества. Начиная с законодательного уровня стала формироваться система гуманного отношения к личности несовершеннолетнего правонарушителя, которая затем поэтапно реализовывалась в исправительных заведениях для данной категории детей.

References:

1. Nikonov V.A. *Krushenie Rossii*. 1917. M.: AST, 2016. 698 s.
2. *Zemledel'cheskie kolonii i remeslennye priyuty, kak vospitatel'nye zavedeniya dlya nesovershennoletnikh prestupnikov i bednykh detej*. SPb.: Kom. O-va zemledel'ch. kolonij i remesl. priyutov, 1870. 30 s.
3. Vsesvyatskij P. *Nesovershennoletnie v tyur'me* // *Deti-prestupniki: sb. statej / pod red. M.N. Gerneta*. M., 1912. S. 413-427.

4. Grunicheva G.A. Istoriya razvitiya ispravitel'nykh uchrezhdenij dlya nesovershennoletnikh prestupnikov // Istoriya gosudarstva i prava. 2006. №7. С. 4-6.
5. GASO (1908-1909). Vospitatel'no-ispravitel'nye zavedeniya dlya nesovershennoletnikh v Rossijskoj imperii. R-368. Op. 1. D. 12.
6. GA RF (1891). Ob izmenenii postanovlenij zakona, kasayuschikhsya pomescheniya maloletnikh prestupnikov v ispravitel'nye priyuty. F. 122. Op. 1. D. 2014.
7. Belyaeva L.I. Pravovye, organizatsionnye i pedagogicheskie osnovy deyatel'nosti ispravitel'nykh zavedenij dlya nesovershennoletnikh pravonarushitelej v Rossii (seredina XIX – nachalo XX v): dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 1995. 539 s.
8. Gomošov N.M. Gosudarstvenno-pravovye mery bor'by s prestupnost'yu nesovershennoletnikh v Rossii vtoroj poloviny XIX - nachala XX veka: dis. ...kand. jurid. nauk. N. Novgorod, 2012. 184 s.
9. Dubonosova A.Eh. Razvitie idej preduprezhdeniya pravonarushenij nesovershennoletnikh v pravovoj mysli Rossii: XIX - nachalo XX vv.: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2008. 198 s.
10. Dumov A.S. Problema preodoleniya otklonyayuschegosya povedeniya nesovershennoletnikh v pedagogike Rossii: vtoraya polovina XIX - pervaya tret' XX veka: dis. ... kand. ped. nauk. Volgograd, 2013. 149 s.
11. Mishina E.V. Pravonarusheniya, sovershaemye nesovershennoletnimi v dorevoljucionnoj Rossii i gosudarstvenno-pravovaya deyatel'nost' po ikh preduprezhdeniyu i presecheniyu: istoriko-pravovoj aspekt: dis. ... kand. jurid. nauk. SPb., 2002. 159 s.

Гуманизация процесса воспитания несовершеннолетних в приютах Российской империи: историко-культурологический анализ

Терещенкова Виктория Викторовна

Смоленский государственный университет

Российская Федерация, Смоленск

Аннотация

В статье рассматривается проблема реформирования уголовного законодательства в отношении несовершеннолетних правонарушителей в Российской империи в конце XIX – начале XX века. В тот период в среде «вершителей правосудия», опиравшихся на идеи гуманности, ценности детской личности, защиту её прав, возникла мысль о необходимости изменения существовавшего уголовного законодательства в отношении ребенка-правонарушителя. Одним из ключевых вопросов в статье является рассмотрение обоснования сроков пребывания питомцев в исправительных заведениях. Для обеспечения исправления несовершеннолетних правонарушителей в колониях-приютах властью страны были предприняты попытки внесения изменений в ряд законодательных актов. Это оказало огромное влияние на организацию правосудия в отношении несовершеннолетних, отразилось на практической деятельности воспитательно-исправительных учреждений Российской империи конца XIX – начала XX века. Нововведения в уголовном законодательстве стали большим шагом в сторону гуманизации процесса воспитания детей-преступников в колониях-приютах дореволюционного периода. Ребенок впервые стал рассматриваться не как объект, а как субъект педагогического процесса, личность, имеющая права. Деятельность воспитательно-исправительных учреждений вышла из разряда карательной и была направлена на гуманное, человеческое отношение к воспитанникам.

Ключевые слова: несовершеннолетние правонарушители, воспитательно-исправительные заведения Российской империи, педагогическая работа приютов для несовершеннолетних, гуманизация процесса воспитания

Дата публикации: 02.06.2022

Ссылка для цитирования:

Терещенкова В. В. Гуманизация процесса воспитания несовершеннолетних в приютах Российской империи: историко-культурологический анализ // Человек и образование – 2022. – Выпуск 1 (70) С. 120-128 [Электронный ресурс]. URL: <https://человекиобразование.рф/S181570410019970-2-1> (дата обращения: 02.12.2024). DOI: 10.54884/S181570410019970-2